ПАРАГМАДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗИКОВЫХ ЕДИНИЦ В СОВРНМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Зебо Насриддинова,
Магистрант Тошкентского международного университета кимё Самаркандского филлиала
Саодат Рахматова,
Научный руководитель: доцент Ташкентского международного университета кимё Самаркандского филлиала

Аннотация. В статье рассматривается вариативность языковых единиц в современном русском литературном языке сквозь призму прагматики. На примере динамики лексических, морфологических и синтаксических вариантов анализируется, как выбор говорящего обусловлен коммуникативной интенцией, фактором адресата и социокультурным контекстом. Автор отходит от прескриптивной фиксации нормы и фокусируется на функциональном потенциале вариативности как инструмента тонкой настройки смысла в дискурсе.

Ключевые слова: прагматика, языковая вариативность, современный русский язык, коммуникативная интенция, языковая норма, дискурс, фактор адресата.

Введение. Динамические процессы, протекающие в структуре современного русского литературного языка на нынешнем этапе его эволюции, детерминируют необходимость глубокого переосмысления природы языковой нормы. Традиционная лингвистическая парадигма, долгое время опиравшаяся на строго прескриптивные подходы, рассматривала любое отклонение от жестко кодифицированного канона либо как речевую девиацию, либо как маргинальное проявление узуса. Однако в условиях тотальной интернетизации, трансформации медийного пространства и общей демократизации публичных выступлений сосуществование параллельных языковых дублетов становится базовым свойством функционирования живой речевой системы.

Исследуя феномен подвижности нормативных границ, академик В. В. Виноградов в свое время проницательно указывал на то, что устойчивость языковой системы обеспечивается именно ее внутренней эластичностью и способностью реагировать на когнитивные запросы социума [1, с. 94]. Настоящая статья фокусируется на лингвопрагматическом ракурсе данной проблемы. Мы исходим из предположения, что в ситуации коммуникативного

выбора между двумя и более нормативными (или находящимися на периферии кодификации) вариантами, субъект речи руководствуется не случайными факторами, а эксплицирует конкретные иллокутивные интенции. Ключевым аналитическим вектором послужил **метод дискурсивно-прагматического моделирования.** Данный подход ориентирован на изучение языковых вариантов в их непосредственном событийном контексте, с обязательным учетом прагматических пресуппозиций, социокультурного бэкграунда коммуникантов и ролевой архитектоники речевого акта. Помимо этого, применялся **метод контекстуально-субституционного анализа.** Путем мысленного моделирования замены одного языкового варианта другим в идентичном синтаксическом окружении нам удалось эксплицировать скрытые коннотативные приращения, семантические нюансы и экспрессивные компоненты, которые обычно нивелируются при сугубо грамматическом или лексикографическом описании. С нашей точки зрения, механическая фиксация частотности употребления вариантов не способна вскрыть интимные мотивы коммуникативного выбора, в то время как детальный лингвофилософский анализ дискурса позволяет обнаружить живой вектор интенциональности.

Результаты и обсуждение. Лексико-прагматическое варьирование: социокультурные маркеры и стратегии вежливости. На лексическом уровне прагматический потенциал вариативности манифестирует себя наиболее наглядно. В современном коммуникативном пространстве разворачивается масштабная конкуренция между традиционными лексемами русского языка и их новейшими англоязычными дублетами, которые стремительно осваиваются узусом. В качестве репрезентативных пар можно привести следующие: «встреча / синк (митинг)», «задача / таск», «проблема / кейс». Пуристическая критика традиционно квалифицирует подобные явления как симптомы речевой деградации. Однако прагматическая оптика позволяет увидеть за этим процессом тонкую стратегию социальной идентификации. Употребление варианта «кейс» вместо «случай» или «проблема» в рамках делового или академического общения выполняет важнейшую фатическую функцию, сигнализируя о принадлежности индивида к прагматичному, технологически продвинутому экспертному сообществу. Выбор инновационного варианта маркирует оппозицию «свой / чужой», где более современный лексический дублет повышает символический капитал говорящего.

Другим важнейшим прагматическим аспектом лексической вариативности выступает феномен так называемого хеджирования (hedging) —

намеренного снижения категоричности утверждения ради сохранения бесконфликтного регистра общения. Как справедливо отмечает А. Д. Шмелев, специфика русской языковой модели мира включает в себя особую склонность к выражению аппроксимации (приблизительности) и концептуальной осторожности [5, с. 178]. Актуализация вариантов типа «как бы»,«в некотором роде», «если можно так выразиться» выполняет функцию прагматического амортизатора. Сравним две речевые реализации: «Этот проект абсолютно провален» и «Этот проект как бы не совсем удался». Вариант со вставным элементом «как бы» транслирует не дефицит лексических средств, а осознанное нежелание автора наносить прямой коммуникативный урон адресату, что позволяет сохранить поле для дальнейшей консенсусной дискуссии. Нельзя обойти вниманием и вариативность, детерминированную идеологическими трансформациями в обществе. Ярким примером служат острые дискуссии вокруг гендерно-маркированных лексических вариантов: «редактор / редакторка», «автор / авторка». Использование феминитивов за рамками разговорного стиля представляет собой осознанный прагматический жест, манифестирующий определенные социально-политические убеждения автора и его стремление визуализировать женское профессиональное присутствие в языке. Таким образом, выбор лексического варианта перерастает рамки чистой номинации и становится актом гражданского позиционирования.

Морфологические модификации как инструмент управления коммуникативной дистанцией. Грамматическая система, вопреки стереотипам о ее консервативности, обладает колоссальной прагматической гибкостью. Рассмотрим классическое для русской грамматики варьирование окончаний родительного падежа единственного числа существительных мужского рода в партитивном значении: флексия **-а/-я** в противовес флексии **-у/-ю** («купить сахара / сахару», «принести чая / чаю»).

В современной речевой практике форма на **-у** практически полностью вытеснена из официально-делового регистра, однако она обрела новую жизнь в персональном, эго-документированном дискурсе (блоги, эссеистика, социальные сети). Выбирая в своем тексте вариант «налить горячего чаю», автор совершает прагматический акт сокращения коммуникативной дистанции. Данная флексия подсознательно считывается реципиентом как маркер домашнего уюта, теплоты, интимности и искренности. Напротив, консервативный вариант «сбор чая» или «употребление сахара» удерживает коммуникацию в рамках строгой, подчеркнуто объективированной и

отчужденной модальности. Аналогичные процессы обнаруживаются при анализе пространственных предложно-падежных вариантов. Остро дискуссионный характер выбора предлогов «в» или «на» применительно к географическим объектам («в Украине / на Украине») наглядно демонстрирует, как сугубо грамматическая вариативность нагружается предельным прагматическим и идеологическим смыслом. В данном контексте выбор варианта диктуется не степенью усвоения школьной грамматической нормы, а интенцией заявить о своей солидарности с той или иной геополитической доктриной. М. А. Кронгауз справедливо постулирует, что в подобные периоды общественной турбулентности язык превращается в арену символической борьбы, где грамматическая форма выполняет функцию жесткого социокультурного маркера [4, с. 210].

Синтаксическое варьирование как механизм распределения когнитивного фокуса. На синтаксическом уровне вариативность предоставляет автору уникальную возможность осуществлять тонкую когнитивную режиссуру текста, перераспределяя фокус внимания читателя между субъектом и объектом действия.

Заключение. Проведенный в статье многоаспектный лингвопрагматический анализ позволяет эксплицировать следующие обобщающие выводы:

1. Языковая вариативность в современном русском литературном языке представляет собой не хаотическую деструкцию нормы, а высокоэффективный функциональный механизм, обеспечивающий смысловую мобильность и прагматическую гибкость коммуникации.
2. Выбор между параллельными языковыми единицами на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях жестко детерминирован иллокутивной интенцией адресанта, фактором адресата и спецификой социокультурного контекста. В эпоху доминирования антропоцентрической парадигмы прескриптивный критерий нормы уступает место критерию коммуникативной прагматической целесообразности.

Языковые варианты активно используются носителями языка как эффективные инструменты социальной навигации, маркеры ценностной идентичности, регуляторы межличностной дистанции и средства когнитивного управления фокусом внимания реципиента.

В качестве перспектив дальнейших научных изысканий видится исследование прагматических аспектов варьирования в сфере генеративного искусственного

интеллекта, где алгоритмы синтеза речи вынуждены осваивать законы человеческого узуса.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — 312 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: ЛКИ, 2010. — 264 с.
3. Костомаров В. G. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — СПб.: Златоуст, 1999. — 320 с.
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2017. — 384 с.
5. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. — М.:Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.

SAMARKAND DAVLAT CHET TILLAR INSTITUTI
SAMARKAND STATE INSTITUTE OF FOREIGN LANGUAGES
IFI 1994